

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Агаев М.А. Авторитарные тенденции в Турции и радикализация правящей Партии справедливости и развития. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10303 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 49–70.

УДК 32.329.051

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10303

Авторитарные тенденции в Турции и радикализация правящей Партии справедливости и развития

Мирильяс Азад оглы Агаев

аспирант Института философии РАН,
г. Москва, Россия.

E-mail: fabreardeo@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3705-0485

SPIN-код: 5455-0265

*Статья поступила 08.07.2020, принята к печати 20.09.2020,
доступна online 05.10.2020*

Статья посвящена такому фактору становления авторитарных тенденций в Турции, как радикализация правящей Партии справедливости и развития. Автор, ссылаясь на концепции «демократического отступления» и «третьей волны демократического отката», рассматривает изменения, привнесенные в функционирование правящей партии, в качестве одной из основных причин смены методов государственного управления турецкой элитой. Выделяя два этапа в развитии политического режима Р.Т. Эрдогана: 2002–2011 гг. – демократизация и 2011 г. – н.в. – авторитарный поворот, он делает акцент на объяснении особенностей политического курса данных этапов с точки зрения изменения структуры и трансформации дискурса правящей партии и приходит к выводу о том, что изменение таких свойств политической стратегии, как коалиционность, популистская ориентация, опора на реформы

© Агаев М.А., 2020

и принципы либеральной демократии, умеренный характер политического стиля, привело к радикализации Партии справедливости и развития. Радикализация проявилась в антизападном внешнеполитическом курсе Турецкой Республики, преобладании негативной политической риторики по отношению к оппонентам и деактивизации принципа сдержек и противовесов в пользу расширения полномочий и роли исполнительной власти в лице Президента Турции Р.Т. Эрдогана. Немаловажным фактором является воздействие «внешних шоков» на политическую систему, к которым следует отнести рост протестных настроений, коррупционные скандалы, связанные с политическим окружением Р.Т. Эрдогана, усиление влияния оппозиционных партий на систему, использующих любую возможность ограничения власти Р.Т. Эрдогана вплоть до организации попытки военного переворота. Ввиду сложившейся политической ситуации для предотвращения падения рейтинга Партии справедливости и развития вносились коррективы в ее деятельность. Автор указывает, что в дальнейшем они способствовали созданию условий для авторитарного поворота, делая особый акцент на популистские стратегии.

Ключевые слова: выборы, демократия, политический режим, популизм, Партия справедливости и развития, Турция, Эрдоган.

Партия справедливости и развития (ПСР) пришла к власти по итогам парламентских выборов 2002 г. Победа ПСР стала положительным импульсом для турецкой политики после периода нестабильности 1990-х гг. На первом этапе деятельности партией (2002–2011 гг.) был принят курс на демократизацию и либерализацию. Но на втором этапе (2011 г. – н.в.) власть начала опираться на принуждение, а не на согласие различных политических сил, что ухудшило качество демократии (Tansel 2018: 198).

Отчетливо это прослеживается в изменении индекса свободы Freedom House. Лучшего результата за время правления Президента Р.Т. Эрдогана Турция достигла в 2005 г. (3 балла), что позволило ей закрепиться в категории частично свободных государств¹. Но в дальнейшем рейтинг снижался. В 2018 г. Турция получила 5,5 баллов, переместившись в группу несвободных стран². Одной из причин ухудшения ситуации является отказ ПСР от ранее принятых принципов функционирования. Именно это привело к радикализации политического курса правительств, сформированных из членов правящей партии.

В статье рассматривается проблема радикализации ПСР, подчеркивается ее роль в развитии авторитарных тенденций в Турции начиная с 2011 г. и исследуется связь популизма с этими процессами. Мы полагаем, что радикализация ПСР – это важный фактор развития указанных тенденций, из чего вытекает, что партия выступает важной составляющей режима Эрдогана. Любое изменение в партии влияет на всю систему, на что не всегда ссылаются при анализе политических трансформаций в Турции. Ввиду высокой степени деинституционализации политической системы Турции (Lancaster 2014, Bashirov, Lancaster 2018) ПСР остается одним из немногих политических институтов, который решает задачу легитимации власти Р.Т. Эрдогана. В свою очередь, значимым фактором радикализации партии становится по-

¹ URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2005/turkey>

² URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/turkey>

пулизм, действие которого конструирует новые формы авторитарного процесса, ориентированные на мобилизацию поддержки электората.

Под демократией мы будем понимать либеральную демократию. Данное значение было принято по нескольким причинам. Во-первых, тема влияния популизма на демократию актуальна для современной политической теории и практики. Во-вторых, в контексте популизма выделяется оппозиция конкретно с либеральной моделью демократии, а не с идеей демократии в принципе. В-третьих, некоторые авторы предполагают, что популисты позиционируют себя в качестве защитников демократии, предлагая исправить изъяны либеральной модели (De la Torre 2017, Laclau 2005, Pappas 2014, Panizza 2005). В-четвертых, существуют данные, подтверждающие снижение качества демократии в важных для либеральной модели категориях, когда у власти находятся популисты (Kyle, Mounk 2018).

Турецкий политический режим с точки зрения политологических исследований 1960-х, 1970-х и 2000-х гг. является классическим примером демократизирующегося. Успехи в демократическом развитии 60-х гг. XX в. на фоне военного переворота 1960 г. обратили внимание политологов на Турцию. Правление ПСР продолжило эту традицию; расширение гражданских прав положительно воспринималось в академической среде. Но в связи с тенденциями последних лет Турция приобрела репутацию режима, усиливающего свои авторитарные черты. Политолог Н. Бермео выдвигает гипотезу «демократического отступления», понимая под этим термином «заявленное ослабление или ликвидацию любого политического института, поддерживающего существующую демократию» (Bermeo 2016: 5). А. Люрманн и С. Линдберг также относят Турцию к государствам, совершающим «демократическое отступление» (Lindberg, Lührmann 2018: 12). Эти же политологи говорят о зарождении «третьей волны демократического отката» (Lindberg, Lührmann 2019: 1102). В качестве одного из примеров ухудшения демократии Турция упоминается и в докладе А. Паддингтона, в котором отмечается актуальность для нынешнего руководства государства принципа мажоритаризма, пересмотра истории и смысла демократии (Puddington 2017: 7-8). З. Йылмаз со ссылкой на теорию символической власти К. Лефора объясняет нарастание авторитарных тенденций нарушением принципа «пустого места» (Yilmaz 2019: 718). М. Мюфтелер-Баç пишет о роли контроля исполнительной власти над судебной (Müfteler-Baç 2015: 30). Соглашаясь с вышеперечисленными точками зрения, отдельно отметим, что данные политические изменения показывают важность проблемы демократизации и влияния на этот процесс популистских стратегий.

Для рассмотрения данной темы необходимо уточнить наше определение понятия популизма. В научной литературе отсутствует согласие относительно содержания этого понятия. С точки зрения концептуализации мы согласны с мнением К. Мудде, который указывает, что «популизм не обладает тем же уровнем интеллектуальной утонченности и последовательности, как социализм или либерализм» (Mudde 2004: 544) и тезисом П. Таггарта о том, что «популизм является хамелеонистичным феноменом и зависящим от контекста» (Taggart 2000). В целом же мы можем констатировать, что

нынешний уровень концептуализации не позволяет говорить о популизме как о понятии, фиксирующем общую трактовку феномена представителями разных теоретических подходов. Учитывая, что тема концептуализации популизма выходит за пределы тех вопросов, которые обсуждаются в данной статье, в качестве рабочего мы выберем минимальное определение популизма. Минимальное определение предполагает отбор признаков, раскрывающих природу популизма и принимаемых представителями большинства теоретических подходов к исследованию данного феномена. Так, К. Мудде и К. Ровира Кальтвассер предлагают следующую дефиницию: это узкоориентированная идеология, «в рамках которой считается, что общество разделено на два гомогенных и антагонистических лагеря: “неиспорченный народ” и “коррупцированную элиту” и которая предполагает, что политика должна быть выражением общей воли народа» (Mudde, Rovira Kaltwasser 2017: 6). Данный подход выделяет в качестве главных характеристик популизма народоцентризм (ориентация на «народ»), антиэлитизм (борьба против «элит»), однородность «народа» («народ» представляется как бесклассовая общность людей), воплощение «общей воли народа» (понимается как представление интересов «народа»). Популисты для своей легитимации всегда формируют и конструируют целевую аудиторию, которая в дискурсе обозначается как «народ». Особенность этого понятия проявляется в том, что «народ» позиционируется в качестве однородного организма в условиях существования большого количества мелких групп. С этой точки зрения популисты предлагают свою модель идентичности, которая часто характеризуется выделением «исключенных» групп. Они воспринимаются как элементы, которые нарушают гомогенность «народа», поэтому и элиминируются из него – в прямом смысле этого слова (лат. *eliminare* – изгонять за порог).

В последнее время появляется большое количество публикаций (Elçi 2019, Adaman et al. 2019, Özdemir 2020), посвященных проблемам популизма в Турции, в том числе и компаративистские исследования (Grigoriadis 2020, Taleski, Yabancı 2018, Kaya et al. 2020, Taş 2020). Но в этих статьях популизм вписан в политическую систему и в основном анализируется роль Эрдогана в плане развития популизма. Данная работа отличается тем, что популизм здесь 1) рассматривается в контексте правящей партии, а не системы в целом и 2) связывается с авторитарными тенденциями, выходя на проблему влияния популизма на демократию. Стоит отметить, что она не противоречит имеющимся исследованиям, а дополняет их, расширяя зону использования концепта популизма и анализируя проблему популизма и демократии на конкретном примере.

Как было указано выше, правление ПСР разделяется на два этапа; для первого (2002–2011 гг.) характерна ориентация партии на демократию, второй этап (2011 г. – н.в.) – это преимущественно авторитарный поворот. Данная периодизация имеет принципиально важное значение, так как показывает, каким образом работает популизм в демократических и авторитарных условиях, как меняет самопозиционирование правящей партии в зависимости от политических целей. Для анализа процесса радикализации

нам необходимо определить особенности политики ПСР на первом этапе, отличительные черты правящей партии и причины проводимой политики.

На характер политики и политическую стратегию правящей партии безусловно повлияли ее происхождение и процесс создания. Ключевым фактором здесь является закрытие Конституционным судом в 1997 г. исламистской Партии благоденствия. Большинство основателей ПСР начинали свою карьеру в этой партии. Ее преемницей стала Партия добродетели. С самого начала основания новой партии в ней зародился конфликт между традиционалистами, которые настаивали на продолжении курса Партии благоденствия, и прогрессистами, выступавшими за обновление партии. Конфликт привел к расколу, в результате которого появились две новые партии: Партия счастья и ПСР. В состав второй организации вошли прогрессисты.

Закрытие Партии добродетели создало новые условия для ПСР. Светская элита традиционно с большим подозрением относилась к политикам, связанным с исламистскими организациями. Публичное закрытие исламистской партии было сигналом о том, что нарушение принципов республиканизма и секуляризма недопустимо для любой партии. В дальнейшем это создало парадокс – глубокое чувство незащищенности у руководства ПСР, несмотря на высокую степень электоральной поддержки (Dagi 2016: 88).

Политическая атмосфера и внешнее давление стимулировали попытки руководства сконструировать идентичность новой партии, которая позволила бы ей отделиться от ярлыка преемницы ранее существовавших исламистских партий. Ее особенностью стало то, что она была преобразована из радикальной партии в умеренную (Çağlayan-İçener 2009: 597). ПСР позиционировала себя в качестве правой, консервативной партии, отказываясь от политического исламизма и сближаясь с либерализмом. Одним из доказательств этого является союз ПСР с бизнесменами, который характеризуется как желание получить поддержку социальной группы, ранее склонной к сближению с либеральными и умеренными партиями. К примеру, Albaayrak Group был одним из основных спонсоров партии. Организационную помощь оказывало Общество независимых промышленников и бизнесменов. Известно, что 20 членов этой организации избралась в качестве депутатов парламента по спискам ПСР (Gumuscu, Sert 2009: 964-965). Параллельно в партии усилился либеральный элемент, руководство сосредоточилось на проведении демократических реформ (Özdemir 2012: 198). Синтез консервативной и демократической традиций позволил партии сформулировать концепцию «консервативной демократии» (Doğanay 2007: 66). В итоге образ умеренных демократов стал основным для новой партии.

ПСР перестала быть исламистской, но религиозная тематика в риторике партии вполне сохранилась. Роль религии в концепции партии была переформатирована, превратившись из политического феномена в социальный (Erler 2007: 130). В отличие от Партии благоденствия, ПСР не ориентировалась на принципы исламского государства, не выступала за переход к шариату и тотальное изменение светских основ Турецкой Республики. Именно в этом смысле нужно понимать слова Эрдогана «мы

сняли с себя одеяние Национального взгляда»¹. Как видно из вышесказанного, ПСР не стремилась создать новую парадигму. Она пыталась инкорпорироваться в старую систему. Особенно это примечательно на фоне ее приверженности к традиционным для республиканской Турции символам (Altınordu 2016: 162).

Отказ от принятия одной идеологии, смешение консерватизма и демократии определили состав и структуру партии. ПСР выстраивалась как широкая коалиция различных политических сил. В этом плане правящая партия ориентировалась на другие значимые партии. Демократическая партия стала первой в плане использования демократического дискурса в риторике, стремясь к вовлечению в политику широких слоев населения (Özçelik 2010: 171). Партия «Родина-мать» была выстроена по модели широкой коалиции, в которой состояли бывшие члены правоцентристских, левоцентристских и исламистских партий (Erdoğan 2008: 144-145). Она смогла трансформировать консерватизм за счет выстраивания образа сильного лидера (Türköz 2016: 110) и привнесения принципов демократии (Kırgın 2017: 364).

На ПСР повлияли оба примера. Как и Демократическая партия, правящая партия стремилась к получению наибольшей общественной поддержки (*vote-seeking party*). Как и «Родина-мать», партия представляла собой коалицию, объединяющую правоцентристов, умеренных исламистов, националистов, либералов и левоцентристов. ПСР активно привлекала депутатов из других партий, чтобы подчеркнуть, что работает на несколько социальных групп. С 2001 по 2005 г. ПСР переманила 22 депутатов: 1 – из Партии националистического действия (националисты), 2 – из Партии верного пути (правоцентристы), 7 – из Партии «Родина-мать» (правоцентристы, неолибералы), 2 – из Партии счастья (исламисты), 3 – из FP (исламисты), 6 – из Народно-Республиканской партии (левоцентристы, кемалисты, социал-демократы) (Değirmenci 2005: 411).

Особенности идентичности и структуры влияли на используемые партией методы. ПСР опиралась на стратегию из трех пунктов: перенимание политической риторики, касающейся защиты прав человека и развития демократии; мобилизация поддержки электората как выражение демократической легитимности; создание коалиции со светскими силами, признающими ПСР значимым политическим игроком. Для партии особую роль играли принципы партиципаторной демократии (Evre 2008: 68). Из-за негативной реакции светской элиты на появление новой партии для нее стало важным обеспечение своей легитимности. Ввиду того что политические партии были не готовы к сотрудничеству с ПСР, руководство уделяло большое внимание развитию популистской повестки. Для этого использовался различный социальный инструментарий: расширение программ социального обеспечения для лиц, которые ранее ее не получали; повышение доступности кредитов для домохозяйств; апелляция в риторике к «народу» (Akça, Bekmen, Özden 2017: 196). Партия максимально пыталась дистанци-

¹ URL: <https://www.yeniasya.com.tr/2007/07/21/haber/h3.htm>

роваться от образа партий 90-х гг. XX в., которые отличались своей неэффективностью. Был взят курс на получение максимальной поддержки населения и достижение консенсуса в обществе.

В плане внутривнутрипартийного управления ПСР отходила от тотального использования опыта правых партий и перенимала методы и концепции левых партий. У Демократической левой партии была позаимствована важная для ПСР стратегия «государство, служащее гражданину, гражданин, служащий обществу», которая выражала ее популистский характер. По примеру Народно-Республиканской партии был взят курс на децентрализацию партийной структуры за счет создания сильных органов партии на местах (см.: Ateş, Dinç Güzel). Популярность партии в регионах поставила вопрос о том, кем заполнять бюрократические посты. Светская элита в целом не принимала ПСР. Поэтому партия предлагала такие посты людям, имеющим к ней отношение. Соответственно состав бюрократии был сильно изменен (Akkoynlu, Öktem 2016: 471). Таким образом, партия стремилась к получению поддержки электората, напрямую апеллируя к «народу» с помощью использования низовых партийных структур. Это является важной характеристикой популизма. Партия довольно активно на начальном этапе использовала опыт левых партий, что демонстрирует ее направленность на левые ценности социальной справедливости (которые отсутствуют в классических вариантах правых идеологий) и подтверждает эклектичный характер идеологии, присущей популистам.

С точки зрения структуры ПСР была партией, члены которой считались зависимыми от Р.Т. Эрдогана и составляли его клиентелу. Ее расширение происходило благодаря популистской концепции «служения народу». Она подменяла службу партии службой государству, наградой за которую является улучшение качества жизни простых турок. В этом отношении партия была частью государственной системы; этому немало способствовал и тот факт, что ПСР правила единолично. Внутри нее был выстроен авторитаризм гегемонистского типа (Ayar 2010: 198). Поэтому на партию влияет тип лидерства Р.Т. Эрдогана. Он отличается высокой долей веры в способность контроля и высоким уровнем неприязни к остальным политическим акторам (Görener, Ucal 2011: 365). Следует отметить, что Р.Т. Эрдоган никогда не отказывался от использования в риторике элементов «теории заговора», которые усиливали популизм (Özdamar 2017: 181).

Ключевое значение для анализа имеют риторика партии и работа со сторонниками. ПСР – это популистская партия, что определяет ее стиль публичной политики. На предвыборной кампании перед парламентскими выборами 2002 г. упор был сделан на идею служения стране. Партия обращала внимание на необходимость развития провинции; поднималась тема семейных ценностей (Göksu 2019: 597). Во время предвыборной кампании 2007 г. ПСР позиционировала себя в качестве «служащей народу партии». Так, ПСР включила в сферу политики «черных» турок – жителей Центральной Анатолии и Черноморского побережья, экономически наименее развитых частей страны. Эта социальная группа преимущественно состоит из консервативно настроенных граждан; на ее членов больше

всего влияли экономические кризисы. Партия ориентировалась на «исключенные» группы, чьи интересы игнорировались и были недопредставлены. Активно подчеркивались результаты работы партии: экономическая стабилизация, развитие инфраструктуры в провинции, социальное обеспечение «исключенных» групп. Во многом именно ориентация партии на «служение стране» создала сильную базу сторонников, готовых работать на ПСР. Эрдоган отождествлял себя с «настоящим народом», а ПСР заявляла о себе как «партия народа», «голос молчаливых масс». В дискурсе «служение народу» смешивалось с важностью выражения национальной воли. Как указывал в своих речах Эрдоган, национальная воля должна быть основным столпом политики правительства (Akman 2010: 8).

ПСР образца 2002–2011 гг. является беспрецедентным и особым кейсом для турецкой политики. Она представляет собой один из немногих удачных проектов, созданных в результате раскола другой партии. ПСР создала совершенно новую модель партии и исповедовала новый стиль политики. Отойдя от радикалов как идейно, так и политически, ПСР смогла стать эффективной партией. Она руководствовалась такими принципами, как коалиционность внутри партии, либерализация, отзывчивость к запросам населения. В партии существовал баланс сил, который позволял снизить до минимума деструктивную политическую борьбу. Несмотря на то что уже в этот период начал проявляться популизм в виде социальной помощи и апелляции к «народу», партия придерживалась умеренной линии. Именно эти принципы делали ее эффективной. Предполагается, что их нарушение с повышением роли популизма в риторике обусловило дальнейшую радикализацию партии.

Как было отмечено выше, с 2011 г. в Турции наблюдаются изменения, которые выражаются в фактической консолидации власти в одном центре и создании неравных условий для оппозиции в целях ее ослабления. В научной литературе представлено несколько точек зрения на процесс ухудшения качества демократии в Турции.

Сторонники первой точки зрения говорят о существовании объективных причин для формирования авторитарного режима. Изменения были обусловлены тем, что после военного переворота 1980 г. в Турции сложился авторитарный неолиберализм со свойственным ему мажоритарным пониманием демократии. По этой причине турецкую политику логичнее описывать в терминах ограниченной/тотальной гегемонии. На нынешнем этапе политическая борьба находится на стадии ограниченной гегемонии, когда государство не может полностью подчинить общество. Обеспечивается она через вовлечение государства в программы повышения уровня жизни: через неолиберальную экономическую политику, согласование интересов разных слоев населения, популистскую социальную политику, через политический реформизм, понимаемый как необходимость демонтажа контроля армии над политическими институтами (Akça, Bekmen, Özden 2017: 192).

Вторая точка зрения также связана с авторитарным неолиберализмом, но в этом случае он усилен самой правящей партией. Авторитарный неолиберализм основан на двух принципах. Это существование государственно-

го органа, который отдаляет процесс принятия решений от общественного контроля и независимого аудита, и обеспечение условий для маргинализации оппозиции (Esen, Gumuscu 2016: 1586-1587).

Согласно третьей точке зрения в Турции развивается нелиберальный/ авторитарный популизм. Нелиберальный популизм апеллирует к вере в то, что представительная демократия – слишком сложный барьер, мешающий «народу» навязывать свою волю политической системе и ограничивающий его политическое участие (Göksel 2019: 18). В свою очередь, авторитарный популизм – это вызов сложившемуся в политической системе консенсусу (Heinö 2016: 8). Представители данного подхода отмечают рост авторитарного популизма в турецкой политике (Adaman, Akbulut, Arsel 2019: 518). С позиций нелиберального популизма ПСР претендует на то, чтобы выполнять роль единственных народных представителей. В соответствии с постулатами авторитарного популизма ПСР выступает против таких консенсусов, как парламентская система и независимость президента по отношению к политическим партиям, – консенсусов, которые являются важными составляющими либеральной демократии.

Мы полагаем, что главной причиной трансформации ПСР стал популизм. Эта точка зрения представляется нам наиболее достойной внимания ввиду того, что с радикализацией популизма все политические решения обосновываются в рамках публичной политики. Целью трансформации было не возникновение нового элемента, а расширение ареала его действия, что и нарушило баланс. Мы отмечаем, что в случае турецкой политики популизм не является угрозой *a priori*, негативный эффект получает именно конкретное воплощение принципов популизма. Для доказательства этого тезиса мы рассмотрим изменения в политическом курсе партии после 2011 г. и соотнесем их с популизмом.

В чем же прослеживаются изменения политического курса ПСР? Одно из самых существенных изменений – антизападная линия во внешней политике, подчинение внешней политики внутренней. При этом данная линия всегда усиливается перед выборами в целях повышения рейтинга партии. Так, в 2017 г. был инициирован кризис в отношениях с Германией и Нидерландами из-за препятствий в проведении агитационных мероприятий в этих странах. В 2018 г. была предпринята военная операция «Оливковая ветвь», которая проводилась как ответ на бездействие США на северо-западе Сирии. В 2019 г. после теракта в Крайстчерче была усилена линия на критику исламофобии, в разжигании которой Р.Т. Эрдоган обвинял Запад. Данное изменение отразилось на радикализации популистского дискурса режима. Условный Запад рассматривается в качестве политических недоброжелателей, которые вмешиваются в дела Турции и препятствуют реализации «воли народа».

Четко прослеживается смена риторики. Если сравнивать слоганы предвыборных кампаний, начиная с 2011 г., можно заметить, что они не отражают будущее состояние, к которому партия стремится, а имеют целью либо консолидировать электорат, либо продемонстрировать эффективность партии «здесь и сейчас». Например, в 2011 г. использовался слоган «мы вместе –

Турция» (Yiğitbaşı 2015: 36). В июне 2015 г. обратил на себя внимание слоган «они говорят, ПСР делает» (Aslan, Göksu 2015: 37). Перед досрочными парламентскими выборами в ноябре 2015 г. продвигались слоганы «единолично работать ради Турции» (Özkan 2016: 14), «нет тебя и меня, есть Турция» (Özkan 2016: 15). Перед парламентскими выборами 2018 г. электорату был предложен слоган «время Турции». Все эти слоганы призывают к единству, показывают, что ПСР использовала свою власть на благо «народа». Несколько слоганов выражают образ идеального государства и принципы, которые будут работать, только если у власти будет ПСР.

Отдельно остановимся на риторике Эрдогана перед президентскими выборами 2018 г. Ее целями являлись консолидация электората и убеждение сомневающихся избирателей. Эрдоган активно эксплуатировал популистское деление на «мы» и «они», в рамках которых он выступал защитником «общей воли народа» от нападков со стороны «элиты». Под «мы» он подразумевал себя, партию и своих сторонников. Эта группа объединяла людей, связанных историей, религией и общими национальными интересами. Местоимение «мы» Эрдоганом использовалось 165 раз, чаще встречается только слово *tek* (в переводе с турецкого языка – один, единый) (Doğanay 2019: 18). Акцентирование этого определения показывает, что власть стремилась выразить свою идентификацию с электоратом (Doğanay 2019: 19). Эрдоган обращался к эмоционально окрашенной лексике, чтобы продемонстрировать искреннюю любовь к избирателю, родине, стране, религии. Еще одной целью Эрдогана в рамках этого дискурса было желание исключить «их» (своих политических соперников) из политического поля, чтобы лишить легитимности. Такая риторика является полностью дискриминационной. Р.Т. Эрдоган критикует оппозицию, представляя ее в качестве «врагов родины» и «террористов». Все эти технологии – популистские по своей сути, и задействуются они для формирования образа «врага», угрожающего стабильности и единству «народа».

Популистское начало было усилено обращением к методам прямой демократии, которые позволяли игнорировать мнение оппозиции и опираться на мнение большинства. Референдумы как инструмент прямой демократии, исключая из коммуникации политические институты, используются популистами для формирования механизмов непосредственной связи с «народом». В Турции референдумы стали средством усиления власти Эрдогана и перехода к популистскому авторитаризму, что влекло размывание демократии, усиление лидерства одного политика и приоритетность исполнительной власти перед законодательной (см.: Collin). Именно благодаря референдумам ПСР удалось усилить контроль над судебной властью (2010) и расширить полномочия института президентства (2017). Как мы видим, основные изменения, приведшие к ухудшению качества демократии, связаны с воплощением популистского принципа непосредственного представления интересов «народа».

Что же создает почву для подобных изменений? По мнению Д. Гюнея и В. Джихича, европеизация и неолиберализация дали возможность для использования европейской повестки дня и проведения реформ, которые по-

зволили изменить политический курс, с тем чтобы политическая система была подстроена под конкретного лидера. В режимах, подобных турецкому, правящие партии выстроены по принципу клиентелизма. В такой структуре гипертрофируется роль лидера, он считается символом стабильности партии. Все это ведет к тому, что формальные институты заменяются неформальными; это ослабляет принцип прозрачности политического управления и размывает демократию (Dzihic, Günay 2016: 534). Б. Ябанджы считает, что для расширения популистского антагонизма используются женские организации и профсоюзы. По сути своей, партия поддерживает НКО для того, чтобы они актуализировали ПСР в качестве единственного представителя «народа». Через них же контролируется, какие социальные требования будут выдвинуты в публичное поле, что позволяет имитировать демократию (Akkoçyunlu, Öktem 2016: 476-477).

Отметим основные последствия этих изменений. Опираясь на результаты исследования IPSOS после муниципальных выборов 2019 г. в Турции (табл. 1), мы можем констатировать, что растет доля недовольных властью и коммуникационной стратегией Эрдогана, а также доля электората, который не охвачен какой-либо политической силой. При этом снижается доля электората, который уверен в правящей партии. По данным соцопроса Центра изучения Турции Университета Кадир Хас (табл. 2), уменьшается количество граждан, довольных правлением Эрдогана.

Таблица 1. Структура турецкого электорального поля¹

Сегмент электората	Доля сегмента
Довольные консерваторы	23,7 %
Озабоченные прогрессивные граждане	14,2 %
Искренние консерваторы	11,5 %
Либеральные прогрессивные граждане	16,2%
Запуганные демократы	13%
Равнодушные жалующиеся граждане	11,1%
Устойчивые непритязающие граждане	10,3%

Таблица 2. Оценка населением успешности работы Р.Т. Эрдогана²

Вариант ответа	Данные 2017 г.	Данные 2018 г.
Безусловно успешно	15,3 %	7 %
Успешно	36,4 %	28,9 %
Нельзя сказать, что успешно, нельзя сказать, что неуспешно	18,5 %	22,2 %
Неуспешно	14,1 %	22,1 %
Безусловно неуспешно	15,7 %	19,8 %

¹ См.: URL: <https://www.ipsos.com/tr-tr/toplumu-yasam-tarzlari-ve-tutumlarini-daha-iyi-tanimak-icin-toplumsal-kumeler>

² См.: (Türkiye Sosyal-Siyasal... 2019: 27).

Но, несмотря на это, потенциально удачными могут быть попытки сформулировать образ «врага». Согласно результатам исследования Центра изучения Турции Университета Кадир Хас, ни одно западное государство при ответе на вопрос «Какая страна, по вашему мнению, является другом Турции?» не смогла набрать больше 50%. По мнению турок, западные государства представляют угрозу Турции. Политика США, которой были недовольны 35,3% турок в 2015 г., в 2019 г. оценивалась негативно уже у 81,3% опрошенных. В 2016 г. отмечен рост уровня недоверия к Израилю почти в 3 раза. Высокий уровень недоверия существует к Франции (65%), Великобритани (62,8%), Германии (58,8%), Греции (53,5%), Кипру (50,6%) (Akgül Açıkmese et al. 2019: 27). Эти цифры говорят, что уровень недоверия к Западу довольно высок. Но важнее подчеркнуть, что власть умело использует этот фактор в свою пользу. На примере Израиля мы видим, что в 2015 г. рейтинг недоверия равнялся 42,6%. Нормализация двухсторонних отношений в 2016 г. позволила снизить антирейтинг до 26%. Но критика Эрдоганом политики Израиля по отношению к Палестине повлияла на рост уровня недоверия до 70%. Все это говорит о том, что турецкий электорат очень чувствителен к изменению международной повестки дня, что является козырем Эрдогана.

С точки зрения демонстрации уровня радикализации важны результаты исследования KONDA Araştırma. Доля активных националистов среди электората ПСР составляет 70%. Большой результат отмечен только у Партии националистического действия (Unsu 2018: 54). Рост количества националистов среди сторонников партия постаралась использовать в свою пользу. Эрдоган попытался сформировать новую концепцию турецкого консерватизма, которая удовлетворяет как чаяниям религиозных граждан, так и требованиям турецких националистов (Halpin, Hoffman, Werz 2018: 4). Кроме того, власть предложила трактовку понятия «народ» в стиле европейских правых популистов, добавляя в него свойственный им элемент нативизма. Все эти изменения привели к тому, что партия потеряла значительную часть поддержки умеренного электората (курдов и либералов). Поэтому в ней усилилась роль националистов и социальных консерваторов, которые сохраняют приверженность светскому характеру турецкого государства (Halpin, Hoffman, Werz 2018: 10). В итоге в партии был нарушен политический баланс между разными идеологическими группами (прежде всего, между религиозными и светскими консерваторами, националистами), что также способствовало радикализации.

Здесь важно отметить последствия для самой партии. Если падение популярности ПСР по итогам парламентских выборов 2018 г. было компенсировано сменой формата турецкой политики в сторону коалиций, то после муниципальных выборов 2019 г. можно фиксировать коммуникационные признаки кризиса правящей партии. Иными словами, если падение популярности после выборов 2018 г. не коснулось Р.Т. Эрдогана, то после муниципальных выборов потеря популярности начала влиять уже на его рейтинг. По данным социологического агентства MetroPOLL,

он в августе 2019 г. равнялся 44% – при пиковом значении в 71% в декабре 2011 г.¹

В декабре 2019 г. и в марте 2020 г. были созданы две новые правоцентристские партии под руководством бывших соратников Эрдогана – Партия демократии и прогресса А. Бабаджана и Партия будущего А. Давутоглу. Эти партии имеют потенциал для того, что перетянуть значительную долю избирателей правящей партии, что может привести к утрате ее электоральной значимости. Кроме того, турецкая политическая система сегодня намного конкурентнее, чем это было в 2007–2013 гг. Оппозиция обладает высоким уровнем консолидации и предлагает обществу кандидатов на роль новых лидеров.

Впрочем, несмотря на эти негативные для партии тенденции, ПСР сохраняет свое доминирование, что укрепляет ее позиции в условиях нестабильности и повышает эффективность популистских стратегий. В пользу ПСР играют два фактора. Первый – существование проэрдогановской Национальной коалиции, которая позволяет удерживать парламентское большинство. Второй – ограничение уровня политической конкуренции тем, что нет партии, которая боролась бы с ПСР во всех сегментах общества (31 Mart... 2019: 15). Но правящая партия начинает терять контроль над ситуацией. Опыт других крупных правоцентристских партий Турции, которые пережили раскол, показывает важную роль перераспределения власти внутри партии с целью ослабления оппозиции (Demirkol 2015: 105).

Также отметим причины радикализации ПСР. В этой статье мы имеем в виду радикализацию популизма. Иными словами, предполагается, что популизм фундирует мажоритарное понимание демократии Р.Т. Эрдогана. Подобного рода интерпретация ставится в противовес конституционному пониманию демократии, характеризуемой правовыми элементами, а не обосновываемой исходя из принципа большинства. В данном случае анти-системные трансформации влияют на качество демократии. Радикализация стала возможной из-за исчезновения внутренних и внешних ограничений, что изменило институциональную среду и создало необходимые предпосылки для развития этого процесса. Ему способствовал и то, что многие исследователи называют термином «эрдоганизация», понимая под ним деинституционализацию партии и политической системы, в рамках которой Эрдоган получил полный контроль над всеми государственными и партийными ресурсами при отсутствии какой-либо системы сдержек и противовесов (Bashirov, Lancaster 2018; Erpul et al. 2019). Радикализацию вызвали «внешние шоки», которые ставили под угрозу власть Эрдогана и препятствовали формированию его политической гегемонии; это протесты Гези в 2013 г., коррупционные расследования 17–25 декабря 2013 г., выборы в июне 2015 г. и попытка военного переворота 2016 г. (Bashirov, Lancaster 2018: 1210-1211). «Внешние шоки», с точки зрения Р.Т. Эрдогана, суть не «обратная связь», реакция системы на концентрацию власти в одном центре, а создание препятствий для достижения политических целей режима.

¹ URL: <https://twitter.com/metropoll/status/1168896570231808000>

«Шоки» важны, так как они способствовали изменению внешнего фона, в котором действует партия. Для ПСР это сугубо принципиальный вопрос, поскольку она как типичная популистская партия является *vote-searching party*. Внешний фон определяет действия партии, и прежде всего выбор стратегий. Это хорошо показывает анализ риторики партии в 2007–2011 гг.: тогда она не была похожа на риторику правой партии (Aydoğan, Slapin 2015: 621). Если на первом этапе в условиях институциональных ограничений для достижения цели партии необходимо было обеспечивать свою легитимность, то во время второго этапа, когда ПСР уже выступала в качестве доминирующей, легитимность начала работать в ее пользу при отсутствии какой-либо системы сдержек и противовесов. Радикализацию обусловили именно эти факторы.

Турецкий политический режим, который отличается тем, что зависит от состояния одной партии, претерпел сильные изменения за последние 18 лет. 2002–2011 гг. характеризуются вернувшейся стабильностью в политике, высоким уровнем экономического роста, проведением реформ по либерализации законодательства. Но начиная с 2011 г. режим формировал тенденции, приведшие к становлению конкурентного авторитарного режима в виде персоналистского правления Р.Т. Эрдогана (Sayarı 2016: 263), в котором выборы стали инструментом закрепления доминирующего положения партии (Turner, Yılmaz 2019: 692–693). По мнению директора Центра политических исследований Университета Сабанджы Ф. Кеймана, Турция сейчас переживает кризис демократии, что четко прослеживается по таким параметрам, как кризис политических институтов, кризис представительства и политического участия, кризис политической культуры (Keuman 2013: 33), причем особенностью этого тотального кризиса является то, что он возник именно в демократической системе в результате проведения демократических реформ.

Одна из причин таких глобальных изменений в турецкой политической системе связана с новыми тенденциями в правящей ПСР. За это время в партии подверглись трансформации большинство элементов, которые обеспечили ее успех. Это прежде всего целевая аудитория, характер риторики, методы управления партией. В результате правящая партия начала ориентироваться на националистов, радикализовав трактовку понятия «народ». ПСР сохранила приверженность популистским стратегиям, но полностью была откорректирована их тональность. Вместо объединяющего популизма партийные функционеры используют популизм исключающий, который, собственно говоря, определяет действия как партии, так и государства. Особенность режима Эрдогана заключается в том, что партия и связанные с ней некоммерческие организации дополняют государственные органы в условиях существования нелояльной бюрократии. Это в итоге привело к неэффективности партии и, соответственно, к неэффективности государства. Авторитарные методы, используемые в управлении партией, задействуются на государственном уровне. Показательно, что после неудачного результата на выборах 2015 г. и в конституционном референдуме 2017 г. произошли изменения не в государственных органах, а в ПСР. По

этой причине стабильность правящей партии в нынешней мажоритарной и президентской системе является вопросом важным, влияющим на положение элиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Adaman F., Akbulut B., Arsel M. 2019. Neoliberal developmentalism, authoritarian populism, and extractivism in the countryside: the Soma mining disaster in Turkey // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 46, № 3. P. 514-536.

Akça İ., Bekmen A., Özden B. 2017. Antinomies of Authoritarian Neoliberalism in Turkey The Justice and Development Party Era // *States of Discipline. Authoritarian Neoliberalism and The Contested Reproduction of Capitalist Order* / Ed.: C. Tansel. London : Rowman & Littlefield International. P. 189-209.

Akgül Açıkmeşe S. et al. 2019. Türk Dış Politikası Kamuoyu Algıları Araştırması-2019 / S. Akgül Açıkmeşe, M. Aydın, M. Çelikpaşa, C. Dizdaroğlu, M. Gökcan Kösen, S. Özel. İstanbul: Kadir Has Üniversitesi Türkiye Çalışmaları Merkezi. 91 s.

Akkoyunlu K., Öktem K. 2016. Exit from democracy: illiberal governance in Turkey and beyond // *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 16, № 4. P. 469-480.

Akman C. 2010. Beyond the Ballot Box: Turkish Democracy Under Tension Between Idealism and Populism. Montreal : Canadian Political Science Association. 21 p.

Altınordu A. 2016. The Political Incorporation of Anti-System Religious Parties: the Case of Turkish Political Islam (1994–2011) // *Qual Sociol.* № 39. P. 147-171.

Aslan P., Göksu O. 2015. Siyasal İletişim Düzleminde AK Parti'nin 2015 Seçim Kampanyasının Analizi: Teması, Stratejisi ve Mesajları // *Siyasetin İletişim Odağı Seçim Kampanyaları* / Ed.: A. Özkan. İstanbul : Eğitim Yayınevi. S. 29-110.

Ateş H., Dinç Güzel H. Türkiye'de Sol Partilerin Kamu Yönetimi Anlayışları: AK Parti ile Karşılaştırmalı Bir İnceleme // *Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. URL: <http://www.yyusbedergisi.com/dergi/turkiyede-sol-partilerin-kamu-yonetimi-anlayislari-ak-parti-ile-karsilastirmali-bir-inceleme20180101035800.pdf> (дата обращения: 05.09.2019).

Ayan P. 2010. Authoritarian Party Structures in Turkey: A Comparison of the Republican People's Party and the Justice and Development Party // *Turkish Studies*. Vol. 11, № 2. P. 197-215.

Aydoğan A., Slapin J. 2015. Left-right reversed: Parties and ideology in modern Turkey // *Party Politics*. Vol. 21, № 4. P. 615-625.

Bashirov G., Lancaster C. 2018. End of moderation: the radicalization of AKP in Turkey // *Democratisation*. Vol. 25, № 7. P. 1210-1230.

Bermeo N. 2016. On Democratic Backsliding // *Journal of Democracy*. Vol. 27, № 1. P. 5-19.

Çağlayan-İçener Z. 2009. The Justice and Development Party's Conception of "Conservative Democracy": Invention or Reinterpretation? // *Turkish Studies*. Vol. 10, № 4. P. 595-612.

Collin K. Populist and authoritarian referendums: The role of direct democracy in democratic deconsolidation // *Brookings*. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190226_direct_democracy_collin.pdf (дата обращения: 05.09.2019).

Dagi İ. 2006. The Justice and Development Party: Identity, Politics, and Discourse of Human Rights in the Search for Security and Legitimacy // *The Emergence of a New Turkey: Democracy and the AK Parti* / Ed.: H. Yavuz. Salt Lake City : Utah Univ. Press. P. 88-106.

De la Torre C. 2017. Populism and Democracy: Lessons from Latin America // Journal of Diplomacy. Vol. 18, № 2. P. 33-46.

Değirmenci N. 2006. Milletvekili transferlerinin siyasal etik boyutu // 2. Siyasette ve Yönetimde Etik Sempozyumu. S. 407-418.

Demirkol Ö. 2015. Party Splits in Turkish Party System: The Case of Centre-Right Parties // Turkish Studies. Vol. 16, № 1. P. 97-114.

Doğanay Ü. 2007. AKP'nin Demokrasi Söylemi ve Muhafazakârlık: Muhafazakâr Demokrasi ve Eleştirel Bir Bakış // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. Cilt 62, № 1. S. 65-88.

Doğanay Ü. 2019. Seçim Meydanlarında Demokrasi Söylemi. 24 Haziran 2018 Cumhurbaşkanlığı Seçimlerinde Liderlerin Konuşma ve Metinleri Üzerine bir Analiz. İstanbul : Friedrich-Ebert-Stiftung Türkiye. 65 s.

Dzihic V., Günay C. 2016. Decoding the authoritarian code: exercising 'legitimate' power politics through the ruling parties in Turkey, Macedonia and Serbia // Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 16, № 4. P. 529-549.

Elçi E. 2019. The rise of populism in Turkey: a content analysis // Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 19, № 3. P. 387-408.

Erdoğan S. 2008. Anavatan Partisinin Siyasal Dönüşümü. Ankara : Ankara Üniversitesi. 184 s.

Erler Ö. 2007. Yeni Muhafazakarlık, AKP ve «Muhafazakar Demokrat» Kimliği // Stratejik Araştırmalar Dergisi. № 10. S. 126-132.

Erpul O., Hekimci D., Selçuk O. 2019. The Erdoğanization of Turkish politics and the role of the opposition // Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 19, № 4. P. 541-564.

Esen B., Gumuscu S. 2016. Rising competitive authoritarianism in Turkey // Third World Quarterly. Vol. 37, № 9. P. 1581-1606.

Evre B., Kahraman L. 2008. Türkiye'deki Siyasi Parti Programlarında «Demokrasi» Kavramlaştırmaları: Karşılaştırmalı Perspektifle AKP ve CHP Örnek Olayı // Cumhuriyet Üniversitesi İİBF Dergisi. № 1. S. 63-80.

Göksel O. 2019. Foreign Policy Making in the Age of Populism: The Uses of Anti-Westernism in Turkish Politics // New Middle Eastern Studies. Vol. 9, № 1. P. 13-35.

Göksu O. 2019. AK Parti'nin Stratejileri ve Siyasal Kampanyaları: 2002-2014 Dönemi Analizi // Turkish Studies-Social Sciences. Vol. 14, № 3. S. 589-621.

Görener A., Ucal M. 2011. The Personality and Leadership Style of Recep Tayyip Erdoğan: Implications for Turkish Foreign Policy // Turkish Studies. Vol. 12, № 3. P. 357-381.

Grigoriadis I. 2020. For the People, Against the Elites: Left versus Right-Wing Populism in Greece and Turkey // The Journal of the Middle East and Africa. Vol. 11, № 1. P. 51-64.

Gumuscu S., Sert D. 2009. The Power of the Devout Bourgeoisie: The Case of the Justice and Development Party in Turkey // Middle Eastern Studies. Vol. 45, № 6. P. 953-968.

Halpin J., Hoffman M., Werz M. 2018. Turkey's 'New Nationalism' Amid Shifting Politics Further Analysis of Polling Results. Washington : Center for American Progress. 44 p.

Heinö A. 2016. Timbro Populism Index 2016. Stockholm : Timbro. 31 p.

Kaya A., Robert M.-V., Tecmen A. 2020. Populism in Turkey and France: nativism, multiculturalism and Euroskepticism // Turkish Studies. Vol. 21, № 3. P. 361-391.

Keyman F. 2013. Türkiye'de Demokrasinin Sorunları // Demokrasi ve Siyasal Katılım / Ed.: İ. Şen. İstanbul : Heinrich Böll Stiftung Derneği Türkiye Temsilciliği. S. 32-38.

Kurun İ. 2017. Yeni Sağ ve Demokratikleşme Arasındaki İlişki: Turgut Özal Dönemi Türkiye'si Örneği // Mehmet Akif Ersoy Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. Cilt 9, № 22. S. 358-374.

Kyle J., Mounk Y. 2018. The Populist Harm to Democracy: An Empirical Assessment. London : The Tony Blair Institute for Global Change. 40 p.

- Laclau E. 2005. On populist reason. London : Verso. 276 p.
- Lancaster C. 2014. The iron law of Erdogan: the decay from intra-party democracy to personalistic rule // *Third World Quarterly*. Vol. 35, № 9. P. 1672-1690.
- Lindberg S., Lührmann A. 2018. Keeping the Democratic Façade: Contemporary Autocratization as a Game of Deception. Gothenburg : Univ. of Gothenburg. 48 p.
- Lindberg S., Lührmann A. 2019. A third wave of autocratization is here: what is new about it? // *Democratization*. Vol. 26, № 7. P. 1095-1113.
- Mudde C. 2004. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. Vol. 39, № 4. P. 541-563.
- Mudde C., Rovira Kaltwasser C. 2017. Populism: A Very Short Introduction. Oxford : Oxford Univ. Press. 136 p.
- Müfteler-Baç M. 2015. Backsliding into Authoritarianism in Turkey: The European Union Accession Process and the Limits of Political Conditionality // *The State of Democracy in Turkey: Institutions, Society and Foreign Relations* / Ed.: K. Dalacoura and H. Seckinelgin. London : The LSE Middle East Centre. P. 24-31.
- Özçelik P. 2010. Demokrat Parti'nin Demokrasi Söylemi // *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*. Cilt 65, № 3. S. 163-187.
- Özdamar Ö. 2017. Leadership Analysis at a "Great Distance": Using the Operational Code Construct to Analyse Islamist Leaders // *Global Society*. Vol. 31, № 2. P. 167-198.
- Özdemir H. 2012. Demokrat Parti (DP) ile Adalet ve Kalkınma Partisi (AKP)'nin Karşılaştırmalı Tarihsel Analizi // *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. Cilt 22, № 2. S. 188-209.
- Özdemir Y. 2020. AKP's neoliberal populism and contradictions of new social policies in Turkey // *Contemporary Politics*. Vol. 26, № 3. P. 245-267.
- Özkan A. 2016. 7 Haziran ve 1 Kasım Seçimlerinde Siyasal İletişim. İstanbul : SETA. 30 s.
- Panizza F. 2005. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy // *Populism and the Mirror of Democracy* / Ed.: F. Panizza. London : Verso. P. 1-31.
- Pappas T. 2014. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary // *Government and Opposition*. Vol. 49, № 1. P. 1-25.
- Puddington A. 2017. Breaking Down Democracy: Goals, Strategies, and Methods of Modern Authoritarians. Washington : Freedom House. 61 p.
- Sayarı S. 2016. Back to a Predominant Party System: The November 2015 Snap Election in Turkey // *South European Society and Politics*. Vol. 21, № 2. P. 263-280.
- Taggart P. 2000. Populism. Philadelphia : Open Univ. Press. 128 p.
- Taleski D., Yabancı B. 2018. Co-opting religion: how ruling populists in Turkey and Macedonia sacralise the majority // *Religion, State and Society*. Vol. 46, № 3. P. 283-304.
- Tansel C. 2018. Authoritarian Neoliberalism and Democratic Backsliding in Turkey: Beyond the Narratives of Progress // *South European Society and Politics*. Vol. 23, № 2. P. 197-217.
- Taş H. 2020. The chronopolitics of national populism // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. P. 1-19.
- Türkiye Sosyal-Siyasal Eğilimler Araştırması-2018, 2019. İstanbul : Kadir Has Üniversitesi. 124 s.
- Türköz E. 2016. Özal'lı ANAP Döneminde Muhafazakâr Düşüncenin Gelişimi // *Ömer Halisdemir Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*. Cilt 9, № 1. S. 103-116.
- Turner B., Yılmaz Z. 2019. Turkey's deepening authoritarianism and the fall of electoral democracy // *British Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 46, № 5. P. 691-698.
- Uncu B. 2018. Seçmen Kümeleri. Ak Parti Seçmenleri. İstanbul : KONDA. 132 s.

Yiğitbaşı K. 2015. 22 Temmuz'dan 7 Haziran'a Kampanyalar Ekseninde Adalet ve Kalkınma Partisi'nin (AK Parti) Siyasal İletişimi // Türkiye'de Siyasal İletişim 2007–2015 / Ed.: İ. Çağlar, Y. Özkir. İstanbul : SETA. S. 19-52.

Yılmaz Z. 2019. The genesis of the 'Exceptional' Republic: the permanency of the political crisis and the constitution of legal emergency power in Turkey // British Journal of Middle Eastern Studies. Vol. 46, № 5. P. 714-734.

31 Mart Yerel Seçimlerinin Sayısal Analizi, 2019. İstanbul : KONDA. 42 s.

Miril'yas A. Agaev, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: fabreardeo@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3705-0485
SPIN-код: 5455-0265

Article received 08.07.2020, accepted 20.092020, available online 05.10.2020

Authoritarian tendencies in Turkey and the radicalization of the ruling Justice and Development Party

Abstract. The article is devoted to the formation of authoritarian tendencies in Turkey as the radicalization of the ruling Justice and Development Party. The author refers to the conceptions of “democratic retreat” and “the third wave of democratic backsliding” and considers the changes introduced in the functioning of the ruling party as one of the main reasons for the change in the methods of governing by the Turkish political elite. Highlighting two stages in the development of the political regime of R.T. Erdogan – 2002–2011 democratization and 2011 till present – as an authoritarian turn, the article provides explanation for the features of the political course of those times in terms of the structure and transformation of Justice and Development Party's political discourse. The changes in the properties of the party's political strategy such as coalition closeness, populist orientation, reliance on reforms and principles of democracy, and the moderate nature of the political style led to the radicalization of the Justice and Development Party. The radicalization of politics was manifested in Turkey's anti-Western foreign policy, with the predominance of negative political language in relation to political opponents and the deactivation of the principle of “checks and balances” in favor of expanding the powers and role of executive power in the face of president of Turkey R.T. Erdogan in the political system. It is especially worth noting about the influence of “external shock” on the political system. Among such “external shock”, there is a need to highlight the growth of protest moods, corruption scandals related to political environment of R.T. Erdogan, the increase in the influence of opposition parties on the political system and any possibility of limiting power of R.T. Erdogan up to the organization of attempts of military coup. The article concludes that in order to prevent a decrease in the party's ratings in the face of “external shocks”, the party's actions were adjusted so that it subsequently led to the creation of conditions for an authoritarian turn.

Keywords: democracy; election; Erdogan; Justice and Development Party; populism; regime; Turkey.

For citation: Agaev M.A. *Avtoritarnye tendentsii v Turtsii i radikalizatsiya pravyyashchey Partii spravedlivosti i razvitiya* [Authoritarian tendencies in Turkey and the radicalization of the ruling Justice and Development Party], *Antinomii = Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 49-70. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10303. (in Russ.).

References

Adaman F., Akbulut B., Arsel M. Neoliberal developmentalism, authoritarian populism, and extractivism in the countryside: the Soma mining disaster in Turkey, *The Journal of Peasant Studies*, 2019, vol. 46, no. 3, pp. 514-536.

Akça İ., Bekmen A., Özden B. Antinomies of Authoritarian Neoliberalism in Turkey The Justice and Development Party Era, C. Tansel (ed.) *States of Discipline. Authoritarian Neoliberalism and The Contested Reproduction of Capitalist Order*, London, Rowman & Littlefield International, 2017, pp. 189-209.

Akgül Açıkmeşe S., Aydın M., Çelikpaşa M., Dizdaroğlu C., Gökcan Kösen M., Özel S. *Türk Dış Politikası Kamuoyu Algıları Araştırması-2019* [Research on Public Perceptions on Turkish Foreign Policy-2019], İstanbul, Kadir Has Üniversitesi Türkiye Çalışmaları Merkezi, 2019, 91 p. (in Turkish).

Akkoyunlu K., Öktem K. Exit from democracy: illiberal governance in Turkey and beyond, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 469-480.

Akman C. *Beyond the Ballot Box: Turkish Democracy Under Tension Between Idealism and Populism*, Montreal, Canadian Political Science Association, 2010, 21 p.

Altınordu A. The Political Incorporation of Anti-System Religious Parties: the Case of Turkish Political Islam (1994–2011), *Qual Sociol*, 2016, no. 39, pp. 147-171.

Aslan P., Gökso O. *Siyasal İletişim Düzleminde AK Parti'nin 2015 Seçim Kampanyasının Analizi: Teması, Stratejisi ve Mesajları* [Analysis of the AK Party's 2015 election campaign on the political communication plane: its theme, strategy and messages], A. Özkan (ed.) *Siyasetin İletişim Odağı Seçim Kampanyaları*, İstanbul, Eğitim Yayınevi, 2015, pp. 29-110. (in Turkish).

Ateş H., Dinç Güzel H. *Türkiye'de Sol Partilerin Kamu Yönetimi Anlayışları: AK Parti ile Karşılaştırmalı Bir İnceleme* [Public Administration understandings of leftist parties in Turkey: A Comparative Review with the AK Party], *Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, available at: <http://www.yyusbederisi.com/dergi/turkiyede-sol-partilerin-kamu-yonetimi-anlayislari-ak-parti-ile-karsilastirmali-bir-inceleme20180101035800.pdf> (accessed September 05, 2019). (in Turkish).

Ayan P. Authoritarian Party Structures in Turkey: A Comparison of the Republican People's Party and the Justice and Development Party, *Turkish Studies*, 2010, vol. 11, no. 2, pp. 197-215.

Aydoğan A., Slapin J. Left-right reversed: Parties and ideology in modern Turkey, *Party Politics*, 2015, vol. 21, no. 4, pp. 615-625.

Bashirov G., Lancaster C. End of moderation: the radicalization of AKP in Turkey, *Democratisation*, 2018, vol. 25, no. 7, pp. 1210-1230.

Berneio N. On Democratic Backsliding, *Journal of Democracy*, 2016, vol. 27, no. 1, pp. 5-19.

Çağlayan-İçener Z. The Justice and Development Party's Conception of "Conservative Democracy": Invention or Reinterpretation?, *Turkish Studies*, 2009, vol. 10, no. 4, pp. 595-612.

Collin K. Populist and authoritarian referendums: The role of direct democracy in democratic deconsolidation, *Brookings*, available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190226_direct_democracy_collin.pdf (accessed September 05, 2019).

Dağı İ. The Justice and Development Party: Identity, Politics, and Discourse of Human Rights in the Search for Security and Legitimacy, H. Yavuz (ed.) *The Emergence of a New Turkey: Democracy and the AK Parti*, Salt Lake City, Utah Univ. Press, 2006, pp. 88-106.

De la Torre C. Populism and Democracy: Lessons from Latin America, *Journal of Diplomacy*, 2017, vol. 18, no. 2, pp. 33-46.

Değirmenci N. *Milletvekili transferlerinin siyaset etik boyutu* [The political ethical dimension of Member of Parliament transfers], 2. *Siyasette ve Yönetimde Etik Sempozyumu*, 2006, pp. 407-418. (in Turkish).

Demirkol Ö. Party Splits in Turkish Party System: The Case of Centre-Right Parties, *Turkish Studies*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 97-114.

Doğanay Ü. *AKP'nin Demokrasi Söylemi ve Muhafazakârlık: Muhafazakâr Demokrasi ve Eleştirel Bir Bakış* [AKP's democratic discourse and conservatism: Conservative Democracy and a critical view], *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*, 2007, vol. 62, no. 1, pp. 65-88. (in Turkish).

Doğanay Ü. *Seçim Meydanlarında Demokrasi Söylemi. 24 Haziran 2018 Cumhurbaşkanlığı Seçimlerinde Liderlerin Konuşma ve Metinleri Üzerine bir Analiz* [Democracy Discourse In Election Squares. An analysis on the speeches and texts of leaders in the June 24, 2018 presidential election], İstanbul, Friedrich-Ebert-Stiftung Türkiye, 2019, 65 p. (in Turkish).

Dzihic V., Günay C. Decoding the authoritarian code: exercising 'legitimate' power politics through the ruling parties in Turkey, Macedonia and Serbia, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 529-549.

Elçi E. The rise of populism in Turkey: a content analysis, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 387-408.

Erdoğan S. *Anavatan Partisinin Siyasal Dönüşümü* [The Political Transformation of The Motherland Party], Ankara, Ankara Üniversitesi, 2008, 184 p. (in Turkish).

Erler Ö. *Yeni Muhafazakarlık, AKP ve «Muhafazakar Demokrat» Kimliği* [Neoconservatism, AKP and «Conservative Democrat» identity], *Stratejik Araştırmalar Dergisi*, 2007, no. 10, pp. 126-132. (in Turkish).

Erpul O., Hekimci D., Selçuk O. The Erdoğanization of Turkish politics and the role of the opposition, *Southeast European and Black Sea Studies*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 541-564.

Esen B., Gumuscu S. Rising competitive authoritarianism in Turkey, *Third World Quarterly*, 2016, vol. 37, no. 9, pp. 1581-1606.

Evre B., Kahraman L. *Türkiye'deki Siyasi Parti Programlarında «Demokrasi» Kavramlaştırılmaları: Karşılaştırmalı Perspektifte AKP ve CHP Örnek Olayı* [Conceptions of «Democracy» in Political Party Programs in Turkey: A Case Study of AKP and CHP in Comparative Perspective], *Cumhuriyet Üniversitesi İİBF Dergisi*, 2008, no. 1, pp. 63-80. (in Turkish).

Göksel O. Foreign Policy Making in the Age of Populism: The Uses of Anti-Westernism in Turkish Politics, *New Middle Eastern Studies*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 13-35.

Göksu O. AK Parti'nin Stratejileri ve Siyasal Kampanyaları: 2002-2014 Dönemi Analizi [AK Party's strategies and political campaigns: an analysis of the period 2002-2014], *Turkish Studies-Social Sciences*, 2019, vol. 14, no. 3, pp. 589-621. (in Turkish).

Görener A., Ucal M. The Personality and Leadership Style of Recep Tayyip Erdoğan: Implications for Turkish Foreign Policy, *Turkish Studies*, 2011, vol. 12, no. 3, pp. 357-381.

Grigoriadis I. For the People, Against the Elites: Left versus Right-Wing Populism in Greece and Turkey, *The Journal of the Middle East and Africa*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 51-64.

Gumuscu S., Sert D. The Power of the Devout Bourgeoisie: The Case of the Justice and Development Party in Turkey, *Middle Eastern Studies*, 2009, vol. 45, no. 6, pp. 953-968.

Halpin J., Hoffman M., Werz M. *Turkey's 'New Nationalism' Amid Shifting Politics Further Analysis of Polling Results*, Washington, Center for American Progress, 2018, 44 p.

Heinö A. *Timbro Populism Index 2016*, Stockholm, Timbro, 2016, 31 p.

Kaya A., Robert M.-V., Tecmen A. Populism in Turkey and France: nativism, multiculturalism and Euroskepticism, *Turkish Studies*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 361-391.

Keyman F. *Türkiye’de Demokrasinin Sorunları* [Problems of Democracy in Turkey. Democracy and Political Participation], İ. Şen (ed.) *Demokrasi ve Siyasal Katılım*, İstanbul, Heinrich Böll Stiftung Derneği Türkiye Temsilciliği, 2013, pp. 32-38. (in Turkish).

Kurun İ. *Yeni Sağ ve Demokratikleşme Arasındaki İlişki: Turgut Özal Dönemi Türkiye’si Örneği* [The relationship between the new right and democratization: the Turkey’s example of Turgut Özal period], *Mehmet Akif Ersoy Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 2017, vol. 9, no. 22, pp. 358-374. (in Turkish).

Kyle J., Mounk Y. *The Populist Harm to Democracy: An Empirical Assessment*, London, The Tony Blair Institute for Global Change, 2018, 40 p.

Laclau E. *On populist reason*, London, Verso, 2005, 276 p.

Lancaster C. The iron law of Erdogan: the decay from intra-party democracy to personalistic rule, *Third World Quarterly*, 2014, vol. 35, no. 9, pp. 1672-1690.

Lindberg S., Lührmann A. A third wave of autocratization is here: what is new about it?, *Democratization*, 2019, vol. 26, no. 7, pp. 1095-1113.

Lindberg S., Lührmann A. *Keeping the Democratic Façade: Contemporary Autocratization as a Game of Deception*, Gothenburg, Univ. of Gothenburg, 2018, 48 p.

Mudde C. The Populist Zeitgeist, *Government and Opposition*, 2004, vol. 39, no. 4, pp. 541-563.

Mudde C., Rovira Kaltwasser C. *Populism: A Very Short Introduction*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2017, 136 p.

Müfteler-Baç M. Backsliding into Authoritarianism in Turkey: The European Union Accession Process and the Limits of Political Conditionality, K. Dalacoura and H. Seckinelgin (eds.) *The State of Democracy in Turkey: Institutions, Society and Foreign Relations*, London, The LSE Middle East Centre, 2015, pp. 24-31.

Özçelik P. *Demokrat Parti’nin Demokrasi Söylemi* [The Democratic Party’s Discourse on Democracy], *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*, 2010, vol. 65, no. 3, pp. 163-187. (in Turkish).

Özdamar Ö. Leadership Analysis at a “Great Distance”: Using the Operational Code Construct to Analyse Islamist Leaders, *Global Society*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 167-198.

Özdemir H. *Demokrat Parti (DP) ile Adalet ve Kalkınma Partisi (AKP)’nin Karşılaştırmalı Tarihsel Analizi* [Comparative historical analysis of Democratic Party (DP) and Justice and Development Party (AKP)], *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 2012, vol. 22, no. 2, pp. 188-209. (in Turkish).

Özdemir Y. AKP’s neoliberal populism and contradictions of new social policies in Turkey, *Contemporary Politics*, 2020, vol. 26, no. 3, pp. 245-267.

Özkan A. *7 Haziran ve 1 Kasım Seçimlerinde Siyasal İletişim* [Political Communication in 7 June and 1 November General Elections], İstanbul, SETA, 2016, 30 p. (in Turkish).

Panizza F. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy, F. Panizza (ed.) *Populism and the Mirror of Democracy*, London, Verso, 2005, pp. 1-31.

Pappas T. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary, *Government and Opposition*, 2014, vol. 49, no. 1, pp. 1-25.

Puddington A. *Breaking Down Democracy: Goals, Strategies, and Methods of Modern Authoritarians*, Washington, Freedom House, 2017, 61 p.

Sayarı S. Back to a Predominant Party System: The November 2015 Snap Election in Turkey, *South European Society and Politics*, 2016, vol. 21, no. 2, pp. 263-280.

Taggart P. *Populism*, Philadelphia, Open Univ. Press, 2000, 128 p.

Taleski D., Yabancı B. Co-opting religion: how ruling populists in Turkey and Macedonia sacralise the majority, *Religion, State and Society*, 2018, vol. 46, no. 3, pp. 283-304.

Tansel C. Authoritarian Neoliberalism and Democratic Backsliding in Turkey: Beyond the Narratives of Progress, *South European Society and Politics*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 197-217.

Taş H. The chronopolitics of national populism, *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2020, pp. 1-19.

Türkiye Sosyal-Siyasal Eğilimler Araştırması-2018 [Turkey Social-Political Trends Survey-2018], İstanbul, Kadir Has Üniversitesi, 2019, 124 p. (in Turkish).

Türköz E. *Özal'lı ANAP Döneminde Muhafazakâr Düşüncenin Gelişimi* [The development of conservative thought during the period of Ozal's ANAP], *Ömer Halisdemir Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 103-116. (in Turkish).

Turner B., Yılmaz Z. Turkey's deepening authoritarianism and the fall of electoral democracy, *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2019, vol. 46, no. 5, pp. 691-698.

Uncu B. *Seçmen Kümeleri. Ak Parti Seçmenleri* [Voter Clusters. AK Party Voters], İstanbul, KONDA, 2018, 132 p. (in Turkish).

Yiğitbaşı K. *22 Temmuz'dan 7 Haziran'a Kampanyalar Ekseninde Adalet ve Kalkınma Partisi'nin (AK Parti) Siyasal İletişimi* [Political communication of Justice and Development Party (AK Party) on the axis of campaigns from 22 July to 7 June], *İ. Çağlar, Y. Özkir (eds.) Türkiye'de Siyasal İletişim 2007-2015*, İstanbul, SETA, 2015, pp. 19-52. (in Turkish).

Yılmaz Z. The genesis of the 'Exceptional' Republic: the permanency of the political crisis and the constitution of legal emergency power in Turkey, *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2019, vol. 46, no. 5, pp. 714-734.

31 Mart Yerel Seçimlerinin Sayısal Analizi [Numerical Analysis of The 31 March Local Elections], İstanbul, KONDA, 2019, 42 p. (in Turkish).